

Из воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны (по материалам школьного музея)

Евгений Николаевич Франц - один из жителей города Ленинграда:

... Первый массированный налёт вражеской авиации на Ленинград 8 сентября 1941 года видел собственными глазами, ещё живя в соседней Рогатке. Семь часов вечера. Малая облачность. На относительно небольшой высоте летит лавина немецких «Юнкерсов-88», как казалось мне в направлении Дома Советов. С самолётов летели ящики с зажигательными бомбами, которые раскрывались в воздухе.

Всё небо в разрывах от снарядов зениток, но они летят проклятые.

Отец служил за Гатчиной и вспоминал, что в тот день уже с утра на город летела громада вражеских самолётов – всё небо ими было закрыто. Наши лётчики и зенитчики отбили утренний налёт. Затем, в полдень, снова налёт. И

опять был отбит нашими....

К вечеру всё повторилось заново. После больших потерь часть вражеских самолётов смогла прорваться к городу...

Я тогда видел большие пожары: «Бабаевских» складов, «Красного нефтяника», в торговом порту. Ленинградцы всю зиму добывали бабаевскую землю (там сплавилась земля, сахар, масло, мука и др.). Она продавалась на толкучках, шла в пищу, как добавка к чаю...

Мне десятилетнему мальчишке, пришлось испытать на себе всю тяжесть ленинградской зимы 1941-1942 годов. Мы, дети войны, быстро выросли в те трудные времена: со всеми наравне переносили бомбёжки, обстрелы, голод, холод, отсутствие света, воды. Даже малые дети стойко переносили всё это: не плакали, не ныли от голода. Кажется, только глаза выдавали тяжесть переносимого.

На мне были обязанности по обеспечению семьи топливом и водой

. Для прожорливой, как тогда казалось, буржуйки дрова добывались из развалин разрушенных при бомбёжках и артобстрелах домов. Воду носили из реки. По сравнению с другими жителями, нам было легче, так как живительная влага находилась близко от дома. Но как всё же трудно было донести в темноте по лестнице и коридору большой чайник с водой.

Остались в памяти непрерывные бомбёжки, обстрелы. Мы скрывались в бомбоубежищах (это было обязательно, как и светомаскировка). Сидишь и слышишь, как приближаются взрывы бомб всё ближе и ближе. Вот сейчас - это наша... Но пронесло... Нас миновало, но они достались нашим согражданам. Как же это страшно, когда взрывы сотрясают весь дом. Он качается, как на пружинах.

5 апреля 1942 года – день эвакуации нашей семьи из Ленинграда. На руках документы эвакуации, отоварены хлебные карточки семьи, небольшой его запас отложен на дорогу...

Последняя ночь жизни в городе и страшный воздушный налёт. Всю ночь просидели у буржуйки, деля понемногу полученный хлеб, и сразу его съедали. Боялись, что при попадании бомбы хлеб пропадёт несъеденным.

Утром по распоряжению директора авторемонтного предприятия, где работал отец, пришла полуторка и отвезла нас на Финляндский вокзал. На привокзальной площади скопилось много ленинградцев. Были дети, истощённые до предела. Там выдали нам, как эвакуированным, по одному килограмму хлеба, затем объявили о выдаче обеда из двух блюд: супа горохового и горошницы, заправленной жирной тушёнкой. Не ожидали такого подарка прямо на вокзале! Вечером 5 апреля посадили нас в вагоны пригородного сообщения. Ночь пути, а утром 6 апреля прибыли на берег Ладужского озера вблизи Вагановского маяка. За ночь в вагонах умерло много детей и взрослых. Видимо, люди не смогли отрегулировать приём обильной и жирной пищи. Отец сразу ограничил нам еду, а мы ещё долго обижались за это на него. Вероятно, это ограничение спасло нам тогда жизнь.

Мама уже на вокзале стала быстро опухать. Отец разрезал до пят её валенки, и она слегла. Это был предвестник голодной смерти. Отец всячески старался сберечь и поставить маму на ноги. На это потребовалось полгода...

На полуторке в открытом кузове пересекли Ладужское озеро. Уже вода скрывала колёса автомобиля. До Волховстроя добирались по разбитым фронтовым дорогам. На станции было одно сохранившееся двухэтажное здание, где находились руководство железнодорожной станции и эвакупункт. Там нам выдали сухой паёк на каждого эвакуированного, содержащий хлеб, круг типа колбасы, кусковой сахар, американские галеты, покрытые по диагонали шоколадом. Это был ещё один подарок после перенесённых трудностей первой блокадной зимы.

А дальше месяц пути до Красноярска. И в это время гибли и гибли в каждом вагоне ленинградцы, оставляя свой тяжёлый блокадный след. Люди были истощены до такой степени, что стоило только остановиться составу, как они высыпали и садились вокруг вагонов, не в состоянии двигаться дальше. У всех были расстройства желудочно-кишечного тракта, часто и более страшные последствия, из – за чего наши составы ставили на отдалённые пути. Местные жители с сочувствием относились к эвакуированным ленинградцам, глядя на их внешний вид и состояние. Встречающиеся солдаты воинских эшелонов уверенно говорили тогда нам: чем дальше на восток – больше хлеба и картошки, а большего нам в то время и не желалось...

И вот мы определились в Тяхтете - глубоком тылу страны, где нет бомбёжки, обстрелов, где с питанием тоже трудно было. Выручала черемша, грибы, ягоды, сарана, петушки, калачики и где все, от малого до великого, трудятся, чтобы помочь стране приблизить победу.

В 1944 году с 12 лет начал я трудовую деятельность в течение пяти сезонов иштурвальным на прицепном комбайне. При мобилизации школы приходилось работать в колхозах: лопатили хлеб, заготавливали лес, дрова, занимались заготовкой кормов: косьюбой, стогованием, обслуживали молотилки. К занятиям в школе приступали после Октябрьских праздников. И, несмотря на то, что в школе не доставало учебников, школьных наглядных пособий, тетрадей, к учёбе относились все ребята с максимальным прилежанием. Оценивая свои знания в прошлом, прихожу к выводу, что мы в нашей школе получали прочные базисные знания, в сравнении с выпускниками других школ мы выглядели солиднее. Это мне показала учёба в Минусинской техникуме механизации и электрификации сельского хозяйства, затем Нижнее-Тагильском пединституте и Ленинградском университете. За знания, данные мне, особенно я благодарен С.С. Шамнэ, А.А. Троицкой, К.И. Валюженич, А.Д. Манжиковой. Они оставили добрую память о себе в наших душах, как педагоги, так и воспитатели. Особо хочется сказать о Г.Ф. Трисницком, требовательном, чутком, справедливом руководителе- педагоге. Сегодня, много лет спустя, вспоминая те годы, я в мыслях говорю себе: значителен и бесспорен вклад Григория Фомича в становление моей родной Тяхтетской средней школы в послевоенный период.

Спасибо, родная школа, за знания и житейскую мудрость от «детей войны».

ПОБЕДА!
70 ЛЕТ